

Ю.В. АНДРОПОВ

ЧЕКИСТ
ВО ГЛАВЕ
ГОСУДАРСТВА

СЕРГЕЙ
СЕМАНОВ

ЛУЧШИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
БИОГРАФИИ

Лучшие политические биографии

Сергей Семанов

**Андропов. Чекист
во главе государства**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Семанов С. Н.

Андропов. Чекист во главе государства / С. Н. Семанов —
«Алисторус», 2022 — (Лучшие политические биографии)

ISBN 978-5-00180-602-8

Юрия Андропова одни считают великим государственным и патриотом, другие – агентом враждебных сил, которые привели его к власти для разрушения Советского Союза. Автор книги, Сергей Николаевич Семанов, в те годы был главным редактором журнала «Человек и закон». В этом журнале публиковались материалы расследований громких дел о коррупции в высших эшелонах власти. В конце концов, Семанов был вызван в КГБ и вскоре снят с поста главного редактора. В своей книге он делится личными впечатлениями о работе «андроповской» госбезопасности, а также на основе документального материала дает оценку деятельности Ю.В. Андропова в качестве главы этой всемогущей организации.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-00180-602-8

© Семанов С. Н., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Краткое вступление к долгому рассказу	6
Происхождение	9
Восхождение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Семанов
Юрий Андропов. Генсек из КГБ

© Семанов С.Н., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

Краткое вступление к долгому рассказу

Человек в полном смысле без роду, без племени, ибо то и другое он всю жизнь тщательно скрывал или даже нарочито искажал. Микроскопический партийно-комсомольский работник в глухой российской провинции, он к исходу жизни неожиданно для всех взлетел на самую-самую кремлевскую высь. Но к этим заветным высям он целенаправленно и терпеливо стремился всю жизнь. А цель была – тайная, среди множества других его тайн, больших и малых.

По мистике случайных цифровых совпадений он ровно 15 лет управлял политической полицией всемирной Советской империи, а на склоне жизни ровно 15 месяцев правил уже всей этой империей.

Сведения о его жизни собирать приходится с великим трудом. В отличие от своих предшественников Хрущева и Брежнева болтать о себе он не любил, мемуаров не составлял. Молча, тайно, не имея соратников, а только потаенных соучастников, столь же двуликих, как и он сам, он вознесся, наконец, на кремлевские небеса. В подземном мире лубянского ведомства водилось немало личностей честолюбивых и сильных, но никому ничего подобного добиться не удалось. А он сумел...

Видимо, во всей мировой истории Андропов стал и останется самым потаенным главой тайной политической полиции! Знаменитейший Фуше, сперва якобинский террорист, а потом обер-палач императора Наполеона, был куда более ясным и открытым. Ведь его переход из революционеров в контрреволюционеры ни для кого тайны не составлял, он и сам этого не скрывал никогда.

Наше отечество тоже имело в своем прошлом выдающихся мастеров политического сыска, в особенности в советскую эпоху. Да, придерживали кое-что в глубокой тайне от своих начальников и сотоварищей Дзержинский, Ягода и особенно Берия, не без этого. Но ведь не из Белой же армии перешли они в армию Красную, да и веру в идеалы коммунизма сомнению не подвергали. Вот Берию перед казнью объявили «империалистическим шпионом». Но это доказывает только неизбывную глупость Хрущева, его тогдашнего победителя. Нет, при Сталине империалистические шпионы (без кавычек) в Кремле не сидели, появились они там много позднее...

Совсем иным оказался Юрий Владимирович. Он всячески укреплял коммунистический строй – и потихоньку подтачивал его. Сажал «диссидентов» в психушки – и одновременно создавал им будущую политическую карьеру. Боролся с буржуазным Западом – и в душе обожал западный образ жизни. Сам отчасти еврей по происхождению, он тщательно скрывал свое естество – и высылал советских евреев, лишая их паспорта и гражданства, на «историческую родину». Наконец, скрыл от всех свою первую семью и двоих детей, судьба которых – брошенных отцом – сложилась крайне тяжело.

Таков был этот потаенный деятель, не разгаданный и по сию пору. Расшифровкам его политической и личной тайнописи мы и посвятили настоящую книгу.

...19 декабря 1981 года весь советский народ и все «прогрессивное человечество» отмечали знаменательную дату – семидесятипятилетие Леонида Ильича Брежнева. В тот же день «Правда», множество иных наших и зарубежных газет опубликовали один и тот же парадный фотоснимок. При Брежнев, как и при византийских императорах, внешнему ритуалу придавалось огромное значение, тем паче, что его легко можно было запечатлеть на пленку и тиражировать на сотни миллионов телезрителей и читателей всей планеты. Присмотримся же к этой истинно исторической фотографии.

В кадре тридцать восемь персон, одиннадцать восседают на одинаковых креслах, в центре, естественно, юбилар, а рядом удостоились той же чести Тихонов, Суслов, Громыко и Черненко, а также вожди шести «соцстран»: Кадар, Чаушеску, Живков, Гусак, Хонеккер и

скромный монгол Цеденбал. Отсутствие руководителя «братской Польши» Ярузельского не случайно: недавно он совершил в своей стране военно-политический переворот и был по сему случаю «невъездным» (прекрасный аппаратный термин!).

Все прочие советские члены Политбюро и секретари ЦК стояли, причем в довольно произвольном порядке. Интересующий нас Андропов разместился во втором ряду четвертым справа, довольно-таки далеко от Брежнева. Все мы тогда обратили внимание, что на таком параде публично присутствовали ближайшие помощники Генсека А. Александров и Г. Цуканов, а из полутора десятков заведующих отделами ЦК чести удостоился лишь один – Л. Замятин (кстати, его отдел был занят исключительно так называемой «внешнеполитической пропагандой» – совершенно бессмысленное дело в рамках отлаженной цековской бюрократии; но «зав» был любимчиком Брежнева, ибо главной задачей нового отдела, созданного три года назад, было именно восхваление Леонида Ильича в зарубежных средствах массовой информации).

По-своему это фото производит грустное впечатление – уж больно несчастливая судьба ожидала вскоре почти всех этих людей. Одни скончались тихо-мирно (Брежнев, Суслов, Устинов, Черненко, сам Андропов), иным досталась худшая судьба: покончил с собой узбекский вождь Рашидов, с позором ушли в отставку Кунаев и Гусак, Чаушеску убили вместе с супругой, насиделись в тюрьме Живков и Хонеккер... Да что вспоминать!

Отчасти «падёж» (просим прощения за грубоватое слово) кремлевского ареопага был естественным: в миг торжественного фото всем членам советского Политбюро было на круг 989 лет, прямо-таки Авраамов возраст! «Лидировал» зам Брежнева по Верховному Совету В. Кузнецов (ровно восемьдесят недавно миновало), а Андропову было «только» шестьдесят семь, «молодой», при среднем возрасте своих коллег в семьдесят шесть с половиной лет.

Весь сознательный советский народ, все прогрессивное, а уж тем паче – не совсем прогрессивнее человечество крутили головами, глядя на фото. Кто же? Кто станет наследником дряхлого до жалости Брежнева? О, вопрос был сложный!

Значит, гадали все, но, как выяснилось, мало оказалось угадавших. Конечно, имя Андропова в предстоящих кремлевских пасьянсах называлось многими у нас и за рубежом.

Во-первых, здоров (таким он и выглядел, даже с тяжестями тренировался; по этому поводу мне рассказывали, у него целый набор гирь имелся в служебном кабинете; многие подхалимы на Лубянке пытались ему даже подражать и обзавелись собственными гирями, но вряд ли кто из них знал, что шеф КГБ уже поражен опаснейшим недугом).

Во-вторых, относительно молод.

В-третьих, ни он, ни его семья ничем порочным не были скомпрометированы. (Это верно. Я хорошо знал его сына и дочь от второго брака. Теперь, много лет спустя, могу с уверенностью сказать, что они были люди положительные, и это отличало их от многих иных представителей кремлевской поросли; Игорь Юрьевич, служивший в 70-х в МИДе, любил, правда, подзашибить, но в России это грех невеликий).

Но последнее – четвертое – это уже был и плюс и минус Андропова, как смотреть.

Пятнадцать долгих лет провел он на посту главы политической полиции в СССР. Этих «органов» люди боялись, что хорошо всем известно, поэтому популярность лубянских руководителей была очень низкой, и не только у рядовых граждан, но и в партаппарате, вооруженных силах. Политическое руководство СССР тоже опасалось своих свирепых охранников, справедливо видя в них возможных соперников по дележу власти. Например, при Ленине всемогущий, по видимости, Дзержинский не входил в Политбюро, кандидатом в него он стал только в июне 1924 года с подачи Сталина – тот использовал «Железного Феликса» в борьбе со своими соперниками.

Дзержинский вскоре умер, а потом Сталин менял шефов Лубянки простейшим способом – казнил их. Берия, казалось, имел все возможности взять власть в 1953-м, но товарищи

по Политбюро его дружно скинули и тоже казнили. Шелепин возглавлял КГБ недолго (1958–1961), но оставил в верхушке аппарата множество своих преданных соратников из комсомола, включая прямого наследника Семичастного. Хотел ли Шелепин со товарищи взять власть или ему это приписали, но факт бесспорен: не взял он власти, был унижительно устранен во второстепенное ведомство.

Брежнев и его ближайшее окружение в ПБ держали Андропова под контролем (об этом позже), но главное – в партии уже сложилась традиция: из партаппарата путь в «органы» был обычен, но обратно... Как сказать... Во всяком случае, Генеральные секретари с Лубянки в Кремль еще не приходили. И даже первые секретари обкомов и союзные министры тоже.

Итак, за Андроповым стояла огромная сила, она же служила ему определенным препятствием в глазах партийной верхушки. Да, конечно, он никак не походил на Дзержинского, Ягоду или Берию, но все же, все же...

Теоретически возможности для силового решения в свою пользу у Андропова имелись. Во-первых, Девятое управление КГБ (в просторечии – «девятка»). Это самое малочисленное, пожалуй, подразделение Лубянки занималось делом весьма пикантным – охраной высшей партийно-государственной верхушки и членов их семей. «Охрана» еще со сталинских времен понималась весьма широко: не только возле учреждений, жилищ и госдач (своих, то есть лично принадлежащих, тогда этому слою лиц иметь не полагалось), но и во время любого рода поездок и передвижений. Вся обслуга тоже подбиралась и подчинялась «девятке», включая лечение, питание и отдых. Обычная и специальная связь также находилась в ведении «органов», ими опекалась. Итак, КГБ был не только верным сторожем, но и доброй нянькой своих вождей.

Верность... Доброта... Это могло обернуться по-разному. Не станем уж поминать о сталинских временах, но и Хрущева изолировала от рычагов управления та же «девятка». На отдыхе в Пицунде...

Были еще Вооруженные силы, мощь которых неизмеримо превосходила все боевые возможности КГБ. Но... с 1918 по 1991 год, от Троцкого – Дзержинского до Горбачева – Крюкова армия была стреножена теми же «органами» очень цепко. Во всех армиях мира, начиная с египетских фараонов, существовали службы контрразведки, то есть борьбы с проникновением агентуры противника в свои ряды. Единственное исключение – Великая Советская армия. Она своей контрразведки не имела. Ее место занимали так называемые «особые отделы» (начиная с полка и выше), которые подчинялись отнюдь не армейскому командованию, а Третьему управлению КГБ (ЧК, ГПУ и т. д.). Оно, естественно, наблюдало не только за вражеской агентурой, но и следило за своим непосредственным командованием. Нелепо, унижительно для Вооруженных сил, но было именно так. В этом сказалась боязнь «бонапартизма», о чем задумывался Ленин еще до Октября. А Сталин, учтя некие помыслы Тухачевского, этот порядок сохранил.

Однако надо помнить и другое: за всеми этими и не названными здесь силовыми и административными структурами властно стояла Партия, то есть партаппарат, контролировавший все, включая самые деликатные подразделения КГБ. В ЦК имелся Административный отдел, контролировавший армию, МВД, прокуратуру и те же органы госбезопасности. В коллегии КГБ СССР имелся свой парторг, назначаемый ЦК, как правило, из бывших сотрудников Адмотдела. Так строились эти взаимоотношения вплоть до далекого провинциального города или района.

В этих условиях решиться на попытку переворота мог только авантюрист; Андропов к такому типу никак не относился: он обладал большой выдержкой, волей и осмотрительностью.

Однако после смерти Брежнева глава непопулярного ведомства все же преемником его стал. Почему, как? Для этого надо посмотреть в служебный путь Юрия Владимировича и попытаться оценить его личные качества, тому способствовавшие. Его пристрастия и привязанности, весьма характерные. Его вкусы. Его национальное происхождение, наконец.

Происхождение

«Темно и скромно происхождение нашего героя... Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве! Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето, отец, больной человек...»

Гоголь, Гоголь, великий русский писатель, он предвидел в судьбе родины, кажется, все, включая появление на свет божий Андропова Юрия Владимировича.

Да, происхождение его «темно», это уж точнее не скажешь. Присмотримся к биографиям советских вождей – Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева. Там с их «происхождением» все совершенно ясно и бесспорно: где родились, каковы семьи и окружение, национальность, детство – с самых нежных времен. Известно, подробно описано, никаких сомнений не вызывало и не вызывает. А тут совсем иной случай.

Прежде всего ни в одном из существующих до сей поры справочных изданий ничего не сказано об именах и возрасте родителей, братьях и сестрах (если такие были). В справочнике 1974 года говорится: «Родился в семье служащего-железнодорожника», в энциклопедическом справочнике за 1981 год вообще ничего о том не сказано, и только в газетах от 13 ноября 1982 года приведены кое-какие подробности.

Весьма сомнительным в биографии Андропова является вопрос о его национальности. Вообще-то подобной темы официальные советские издания с давних пор и вплоть до нынешних старались избегать. Дело повелось еще с 20-х годов, когда многие «пламенные революционеры» по разным причинам любили псевдонимы, а рассуждать о своем национальном происхождении, напротив, не любили.

Так вот, в энциклопедиях и прочих справочниках о национальности Андропова ничего вообще не говорится. Есть одно исключение – биографии членов Верховного Совета в 1974 году; там о нем сказано кратко: «русский». Впрочем, тот же источник причисляет к русским Александрова-Агентова, Арбатова, Замятина, Иноземцева и т. д. по алфавиту.

Но вот в «Правде» появляется первая официальная биография Андропова в качестве Генсека. Помню, всех поразило тогда: его национальность никак не была обозначена. Никак. Это было неожиданно, ибо не только партийные верхи, но и космонавты без этой анкетной приметы перед народом еще не выступали. Ясно и то, что без ведома самого новоиспеченного Генсека такое было бы невозможно.

С тех пор болтают разное, причисляют его и к грекам, и к евреям, и к северокавказцам, но это пока одни сплетни. Только узнав о его родителях и родне, можно будет что-то определенное установить. А пока ограничимся лишь тем, что есть в наличии.

Итак, документальных данных бесспорного характера о национальном происхождении Андропова до сих пор не имеется. А что есть? Только разного рода более или менее достоверные предположения. Одним из первых высказался профессиональный диссидент и упорный интернационалист Рой Медведев. В 1993 году он заявил весьма уклончиво: «Будущий генсек рано потерял родителей; его отец умер, когда Юрий был еще маленьким ребенком. Мать снова вышла замуж, но ненадолго пережила первого мужа. Она была учительницей, и после ее смерти Юрий жил и воспитывался в семье отчима. Учился он в семилетней школе города Моздока» и т. д. Как видно, интернационалист Рой о национальности своего героя вообще не счел нужным упомянуть. Какая, мол, разница, товарищи...

Впрочем, через шесть лет Медведев снова вернулся к этому сюжету. В другой своей книге, гораздо более широкой по привлеченному материалу, ему пришлось откликнуться и на другие точки зрения. «В статьях авторов «русского направления» можно найти немало спекуляций относительно чистоты родословной Юрия Андропова. У него находили следы армян-

ского, греческого и, конечно же, еврейского происхождения. Но молодые люди 20—30-х годов, как и лидеры страны и партии, мало думали о своих ближних и дальних национальных корнях, тем более на Северном Кавказе. На первом месте в Советском государстве стоял социальный статус, у Юрия Андропова он был по тем временам безупречен».

Медведеву вторил отставной генерал-политработник Д. Волкогонов, известный «кающийся коммунист». В 1995-м он писал: «На Западе многие писали, в частности А. Авторханов, что у Андропова мать – еврейка. То, что в нормальном обществе никогда и никого не интересует, в СССР приобретало некий зловещий и магический смысл». Странно. Ни чукчи, ни чеченцы, как и чувашаи, черкесы и многие бесчисленные народы, никогда не скрывают своей национальности, напротив, охотно говорят о том, но вот о еврейском происхождении кого-либо толковать в «нормальном обществе» нельзя...

Впрочем, знали об этом, как говорится, «все, кому положено». Мне рассказывали под запись отставные чекисты в немалых чинах, что на Лубянке истинную национальность своего шефа ведали доподлинно и меж собой о том не стеснялись даже говорить (не на партсобраниях, конечно). Знали и столичные журналисты, и писатели, и идеологические столичные верхи.

Осведомленность о происхождении Андропова имела и в провинции, даже весьма отдаленной. Один из ближайших сподвижников М. Горбачева рассказывал, когда оба они находились уже в глубокой и не очень почтенной отставке: «Однажды Горбачев сказал: «А что Андропов сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересаженного в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают» (Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 135).

Ну, ясно, о какой именно «половине крови» намекал Горбачев, о той самой, о которой в «нормальном обществе» говорить не положено...

Как теперь достоверно известно, сам Андропов об этих разговорах на свой счет был вполне осведомлен. Однажды он поделился этим с главным кремлевским лекарем, небезызвестным в свое время Евгением Чазовым. Вот что тот рассказал в 1995 году в позднейших воспоминаниях. «Недавно мои люди, – говорил Андропов, тогда еще глава КГБ, – вышли в Ростове на одного человека, который ездил по Северному Кавказу – местам, где я родился и где жили мои родители, и собирал о них сведения. Мою мать, сироту, младенцем взял к себе в дом богатый еврей. Так даже на этом хотели сыграть, что я скрываю свое истинное происхождение».

Если все это так невинно, то почему Андропов, внимательно следивший за общественным мнением и очень серьезно к нему относившийся, не принял никаких мер, чтобы эти неприятные для него разговоры прекратить? Ну, хотя бы сообщить то, что он сказал Чазову? Ведь помимо публикации в «Правде», существовало множество способов косвенного распространения нужной информации. Уж кто-кто, а глава советской политической спецслужбы не мог не ведать, как это в подобных случаях делается. И не только в нашей стране.

Мог, но не сделал даже намека. Побоялся открыто коснуться этого острого в условиях нашей страны вопроса. Предпочел скрыть свое истинное национальное происхождение. И это лучшее доказательство того, что он был кровно связан с еврейством. Это доказывается (то есть подтверждается) его неретушированными фотографиями, где семитские черты проглядывают порой весьма явно. А еще – кругом его приближенных, причем именно тех, которых он подбирал сам, а не тех, которых ему так или иначе навязывали. Об этом будет подробно рассказано позже.

О национальном происхождении Андропова успел высказаться уже на исходе 2000 года известный русский писатель и публицист Вадим Кожинов. Возражая одному провинциальному изданию, где Андропов без обиняков называется «евреем», Кожинов писал: «Действительно еврейский тип лица был у Андропова, что казалось странным, ибо тот сделал карьеру в 1951

году (был переведен из Карелии в Москву, в ЦК партии), когда имели место гонения и ограничения в отношении евреев. Но в 1993 году я беседовал с бывшим заместителем председателя КГБ Андропова, Ф.Д. Бобковым, и он сообщил мне, что, как в конце концов выяснилось, мать Андропова родилась в еврейской семье, но еще в раннем детстве осиротела и была удочерена русской семьей, по всем документам являлась русской и, возможно, даже не знала о своем этническом происхождении.

В бытность председателем КГБ Андропов по существу «разгромил» движение «правозащитников», в котором господствующую роль играли евреи, стремившиеся выехать из СССР. Наконец, даже если считать, что он тайно проводил какую-то «еврейскую» линию, ему удалось править страной немногим более года и к тому же в крайне болезненном состоянии, и он едва ли мог существенно повлиять на ход событий».

Суждение такого авторитетного человека, как покойный ныне Кожин, в любом случае заслуживает внимания, почему мы его и приводим. Однако нельзя не отметить, что словам многократно изменчивого генерала Бобкова доверять нельзя, да еще по такому щекотливому вопросу, как национальное происхождение его бывшего шефа. Ну, а сокрытая «тайна рождения» – это напоминает романы Виктора Гюго или некоторых его современников-романтиков. На исходе XX века к этим сюжетам следует относиться осторожнее...

А в завершение скажем, что многие решительные высказывания на этот счет в нынешней печати требуют осторожного подхода. Например, публицист А. Игнатьев прямо написал, что Андропов – еврей, а его подлинная фамилия – Либерман. И в этом он не одинок, есть другие авторы статей и брошюр, они называют самые разные фамилия еврейского происхождения, приводят всевозможные слухи на этот счет. Например, известный литератор А. Байгушев так и пишет: «Андропов = Файнштейн». В этой пестрой картине общее лишь одно – отсутствие документальных подтверждений.

Та же недоговоренность и неясность имеется вокруг детства Юрия Андропова. Как уже говорилось, мать его вроде осталась сиротой и кем-то была удочерена. Но кем, когда, до сих пор ничего достоверного не обнаружено. Сам он рано остался без отца, мать вторично вышла замуж, но вскоре тоже скончалась, оставив Юру круглым сиротой. Заметим, что это уже было время войн и революций, а на Северном Кавказе классовые и военные столкновения противоборствующих сторон отличались особым ожесточением, а вооруженные стычки продолжались аж до 1922 года. Время куда как неблагоприятное для счастливого детства. А тут еще раннее сиротство...

О семье отчима (если Юрий в этой семье действительно жил) не известно ровным счетом ничего. О школе тоже, но одно можно утверждать точно: учиться маленький Юрий начал уже в советское время в начале двадцатых годов. Время это для школьного обучения было до крайности неблагоприятным, старая гимназическая система была беспощадно порушена, а новая еще не сложилась, а главное – подвергалась многочисленным псевдоновациям, многие из которых, были, если говорить мягко, дурными и даже вредными. Ясно, что в детстве доброго воспитания и обучения мальчик Юра получить не мог, даже если отличался бы способностями. Впрочем, и об этом точно не известно пока ничего.

Итак, можно подвести определенные итоги самого раннего периода в жизни будущего Генсека. Он вырос в тяжелой нравственной и социальной обстановке, это касалось и семьи, и окружавшей его действительности. Известно, что дети, выросшие в сиротской доле, очень часто становятся замкнутыми и скрытными – в противоположность тому, как дети счастливых или добрых семей вырастают жизнерадостными и общительными. Бесспорно, что эти качества Андропов сохранил до конца своей долгой жизни. Впрочем, для главы политической спецслужбы это, видимо, оказалось качеством небесполезным. Для него самого, во всяком случае...

И еще. Природная скрытность его характера была усилена необходимостью скрывать свое неясное, а скорее всего, еврейское происхождение. Почему так было, не надо объяснять, исходя

из условий советской действительности от тридцатых и вплоть до семидесятых годов. На словах эту сторону своей природы Андропов тщательно скрывал, но в личных отношениях и пристрастиях она проявлялась, о чем в своем месте.

Станция (полустанок) Нагутская мною обнаружена в самом-самом подробном железнодорожном справочнике, это на полпути между Минеральными Водами и Невинномысской; местность там сухая, пустынная, хотя движение по дороге весьма напряженное. Видимо, на такой станции Андропов-старший мог быть только каким-нибудь мелким служащим, а детство Юры проведено в домике с маленькими окнами...

Дальше с ним что-то случилось. Очень рано, не получив образования или специальности, ушел из дома на заработки. Было это в том самом тридцатом году, когда по всей стране рушились судьбы огромного множества людей. (И опять угадал Гоголь: «Отец, больной человек...») Сперва работал в сравнительно недалеком от родных мест Моздоке (один из справочников уточняет: «рабочий телеграфа»), затем какое-то время – матрос на Волге. (Почему там, а не на близком Каспии или в Азовско-Донском бассейне? Знать, что-то уводило его от родных мест...)

Осел двадцатилетний Андропов в крепком верхневолжском городе Рыбинске (население в ту пору – около ста пятидесяти тысяч), здесь был, однако, крупный речной порт. Юрий поступил в техникум водного транспорта и окончил его. Кратко отметим тут только одно вроде бы привходящее обстоятельство. Из опыта своего обучения в техникуме юный Андропов четко усвоил, что надо иметь хорошие взаимоотношения с комсомолом. Путевку для поступления в Рыбинский техникум ему выдал далекий от Волги Моздокский райком комсомола. По приезде в Рыбинск Андропов подал заявление руководству техникума: «Прошу обеспечить меня общежитием и стипендией, так как средств к дальнейшему существованию не имею». Шла весна 1932 года, время было суровое и бедное. Андропов просимое получил, явно тут помогла комсомольская рекомендация.

...Некоторые мемуаристы рассказывали, что Андропов уже в зрелые годы часто вспоминал своего боцмана с волжского судна, который учил его, молодого: «Жизнь, Юра, как мокрая палуба. И чтобы на ней не поскользнуться, передвигайся не спеша. И обязательно каждый раз выбирай место, куда поставить ногу!» Не знаем, чему научился Андропов у своих педагогов в техникуме, но боцманский урок он усвоил твердо. И следовал ему всю жизнь. С ранней юности он стал заниматься общественной работой, достоверных сведений о том, впрочем, мало. Вступил в комсомол (когда, где – неизвестно). И все это тихо и не спеша.

По окончании техникума Андропов получил назначение в Рыбинскую судоверфь, которая тогда быстро развивалась, как и все народное хозяйство Советского Союза. И тут произошло, как теперь выражаются, «знаковое явление»: молодой специалист под днищем строящихся судов не корпел, а сразу стал освобожденным секретарем комсомольской организации. То есть маленьким, мельчайшим, но «ответственным работником». И в этой ипостаси ему довелось провести всю свою жизнь – ни судов он не водил, ни стройками не руководил, ни даже вражеских шпионов не ловил. Только руководил.

Для всякого руководящего деятеля немаловажное значение имеет его семья, облик и судьба близких, это как бы дополнительная характеристика его самого, порой довольно выразительная. Когда Андропов взлетел в кремлевские верхи, а потом и вошел во всесильное Политбюро, о его семье стало кое-что известно. Разумеется, строгая советская этика не допускала тут подробных описаний и суждений, даже публиковать такое было почти невозможно, однако основные черты тут знали, в общем-то, все. Ну, кто уж очень желал...

Так вот, все знали, что у Андропова есть сын и дочь, а жена нигде не показывается и вроде бы нездорова. Но и тут оказалась тайна, причем в масштабах отдельного человека весьма серьезная. В своей первой книге об Андропове мне удалось опубликовать весьма любопытные

сведения, это было впервые. Воспроизведем их теперь, ибо несколько лет назад такие новости стали весьма неожиданными, но лишь недавно получены тут точные подробности.

«О жизни молодого Андропова в Рыбинске мы знаем одну лишь достоверную подробность. Писатель Аркадий Савеличев, родившийся и выросший в тех же примерно краях, рассказал мне осенью 1983 года: его тетка Нина была первой женой Андропова, жили они в одной комнате рабочего общежития, имели сына и дочь, он уже стал комсомольским работником; когда его позже перевели в Петрозаводск, они с Ниной расстались, а там он вновь женился на учительнице; судьба детей неизвестна. (Ну, о тех детях Андропова писали в «желтой» прессе первых дней перестройки, судьба их сложилась не очень удачно, отец вроде бы о них не заботился, но это опять-таки сплетни.)».

Так было сказано в нашей книге «Юрий Владимирович. Зарисовки из тени», написанной и изданной в 1995 году. Через несколько лет появились новые достоверные публикации, где картина жизни первой семьи Андропова и двух его старших детей уточнялась и дополнялась доподлинными подробностями. Наилучшую публикацию на этот счет журналистки Юлии Жбановой мы воспроизводим ниже с некоторыми сокращениями за счет общих мест, столь характерных для газетной публицистики («Слово», 10 июня 1999, № 43).

«...Родители жили в Ленинграде. Мать Володи – Нина Ивановна Енгальчева училась в институте. Готовилась стать следователем. И когда ее мужа Юрия Андропова направили в Карелию секретарем ЦК комсомола, за ним не последовала.

Двое детей – трехлетняя дочка Евгения и годовалый Володя – остались с ней.

В Карелии тем временем назревали серьезные события. Финляндия вынашивала захватнические планы в отношении Карельского полуострова. ЦК ВЛКСМ прислал депешу, где говорилось о необходимости создавать группы диверсантов для работы в тылу врага. Среди них были и девушки. Одна из них – Таня, Татьяна Филипповна, невысокого росточка девушка – будущий диверсант – запала молодому секретарю ЦК в душу. Он смертельно боялся потерять ее. Все чаще стал отстранять ее от опасной работы – засылки в тыл врага. Вскоре она стала его второй женой. Первая, Нина Ивановна, уже работала следователем, когда до нее дошли слухи о переменах в личной жизни мужа. Она собралась, было, «сигнализировать» об этом начальству. Но тут последовал развод. Нина Ивановна вскоре уехала с детьми на родину в Ярославль, где вторично вышла замуж.

...В молдавском городе Тирасполе случай свел меня с Марией, невесткой Ю.В. Андропова. Здесь я и услышала рассказ о жизни ее семьи. А пачка писем от Татьяны Филипповны из Москвы дополнили трагическую судьбу старшего сына председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова.

Владимир прилетел в Кишинев впервые осенью 1962 года. Ему шел двадцать третий год. А за плечами уже давили две судимости: первая по малолетству условно, вторая с отсрочкой приговора. И незаконченное среднее образование. С таким «багажом» найти работу самому было очень трудно. В те времена Ю.В. Андропов был лишь заведующим отделом ЦК КПСС. Фигура на партийном небосклоне не знаковая. И Володя Андропов стал работать механиком-наладчиком в конструкторском бюро Тираспольской швейной фабрики. Со своей будущей женой Марией там и познакомился.

На свадьбу приехало много Машиных родственников. Со стороны жениха не было никого. Молодожены сняли квартиру. А когда родилась дочка Евгения, им дали в общежитии комнату. Она имела одно «удобство» – маленькую кухнюшку, закуток. Жизнь молодых Андроповых шла своим чередом. Володя учился и работал. Мария растила малышку и нежно любила мужа. Он впервые почувствовал, что нужен семье.

В 1967 году Юрий Владимирович Андропов стал председателем Комитета госбезопасности. По этому случаю Владимир ездил навестить отца. Он его по-мужски любил и очень в нем нуждался. Советам отца следовал всегда беспрекословно уже потому, что рано лишился

отцовской заботы. Однако вернулся из Москвы через два дня. Мария не спрашивала ни о чем. Ей было и так понятно.

К тому времени Владимир успел уже закончить в Киеве четырехмесячные курсы механиков-наладчиков. Но была мечта – заочно получить высшее образование. Сын не просил отца зачислить его в вуз «по благу». Он готовился сам сдавать экзамены. И Андропов-старший предложил ему два решения: «Может быть, тебе стоит потратить один год и закончить в вечерней школе 10-й класс, и тогда ты будешь иметь настоящий аттестат. Это один вариант. Может быть и другой. Я узнал, что в Кишиневе есть электротехнический техникум. В него принимают после 8-го класса. Справку об окончании 8-го класса ты, конечно, легко мог бы получить в Ярославле».

В конце письма, чтобы как-то загладить свое нежелание помочь сыну, а может, оправдать себя, он пишет назидание: «В Москве я постеснялся спросить тебя относительно того: готов ли ты к экзаменам для поступления в институт, а ведь это вопрос – не последний. Думаю, что для экзаменов в техникум знаний у тебя хватит».

Едва ли это утешило его первенца Владимира, которому явно не повезло с родителями. Так, наверное, рассудит читатель. И будет не прав. Из того же письма: «Очень сожалею, что не смог помочь тебе, но ты должен понять, что если я так пишу, значит, по-иному ничего сделать нельзя». Пожалуй, с этим можно согласиться. Партийная иерархия, в особенности высших этажей власти, рождала крайности. Либо – всевластие и цинизм, либо – аскетизм и жертвенность. Личные чувства тщательно приходилось скрывать.

...Беспризорное Володино детство стало давать о себе знать. Все чаще его здоровье подвергалось опасности рецидивов. И однажды «скорая» увезла Владимира Андропова в Бендеры. Там 4 июня 1975 года он скончался в городской больнице. Ему было 35 лет.

Юрий Владимирович послал бывшей жене телеграмму: «Похороны Владимира в Бендерах 5 июня». Мать Володи, Нина Ивановна, в тот момент разводилась с очередным мужем и была занята имущественной тяжбой. Это дело ей показалось важнее проводов сына в последний путь. Юрий Владимирович тоже не смог присутствовать на похоронах своего старшего сына. На кладбище в Бендерах он никогда не приезжал...

...Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович скончался, и его невестка Мария, тогда уже вдова, вылетела с дочерью в Москву. Ни на миг она не сомневалась, что это ее дочерний долг. В квартиру на проспекте Кутузова их не пустили. У подъезда дома перехватили и отвезли в гостиницу, где размещали родственников покойного.

На похоронах она пробыла всего несколько часов. Ее удивило, что их то выставляют из помещения, где стоял гроб, то снова приглашают войти в зал. Секрет оказался прост и циничен: когда в одну дверь входили члены правительства, родственников уже выводили через другую. Мария Андропова сочла это для себя оскорбительным. Вечером того же дня улетела домой. Благо последний долг высокопоставленному родственнику она отдала...

Мария продолжает жить в Тирасполе. Она вторично вышла замуж. Фамилию оставила прежнюю – Андропова».

Что ж, характеристика Андропова Юрия Владимировича выстраивается тут не оценками, а достоверными сведениями, картина в итоге получается весьма выразительной. Ну ладно, с женой первой расстались, бывает. Но брошенные без заботы дети... Это уж по любым меркам понятно как выглядит. И время было страшное, и сам ведь не бедствовал отнюдь. Хладнокровно переступил через собственных ребятишек карьеры ради, тут другой оценки быть не может.

Ладно, постараемся быть объективными. У молодых мужчин порой слабо развито чувство отцовства, случается в таких случаях всякое. Но повзрослев, приобретя от своего и чужого опыта житейскую мудрость, грехи юности множество мужчин так или иначе пытаются исправить, смягчить хотя бы. А тут? Ледяным холодом веет от доброжелательных советов по поводу

вечерней школы или техникума. И эта трусоватая, по сути, тайная переписка с несчастным сыном... И нежелание встреч с ним... Да, скрытен, холоден и бессердечен был тогдашний глава госбезопасности в жизни личной. А о его «общественной жизни» расскажем позже. Мы нарочно задержались на этом сюжете, доведя его до конца, чтобы более к нему не возвращаться. Выразительность данного эпизода только выигрывает. Следим далее за карьерой нашего героя.

На комсомольском поприще молодой Андропов делает стремительную карьеру. Работник он был, безусловно, дельный и трудолюбивый, но успехи-то служебные определялись тогда, к сожалению, иными причинами. Кровавая чистка в партийном аппарате второй половины тридцатых годов создала множество руководящих «вакантных» мест. Вот почему тех, кто был помоложе и никак не мог быть причислен к деятелям оппозиции, в ту пору возносил стремительный восходящий поток, хотя заслуги этих новых выдвиженцев, да и способности их порой оказывались весьма скромными. Вот Брежнев: в 35-м он лишь рядовой инженер в провинциальном Днепродзержинске, а уже в 39-м, стремительно передвигаясь по опустевшим руководящим креслам, делается секретарем Днепропетровского обкома, одного из крупнейших во всем СССР.

Буквально так же подскочили в те годы будущие коллеги Брежнева по Кремлю: Суслов в 39-м – первый секретарь Ставропольского крайкома, Кириленко примерно в ту же пору – второй в Запорожском обкоме и т. д. (а им и сорока не было...). Подобных случаев тогда – бесчисленное множество.

Отметим также и национальную сторону тех событий, хотя то была далеко не главная их сторона. Среди партийно-чекистской верхушки к началу тридцатых годов скопилось непропорционально большое число латышей, поляков, евреев и представителей иных национальных групп. Они были устранены наряду с некоторым числом русских, грузин, армян и т. д. Но на освободившиеся должности назначались в основном представители именно коренных народов, в особенности славянских.

В восходящий кадровый поток попал и скромный тогда комсомольский работник Андропов, ибо после расстрела Генерального секретаря ВЛКСМ А. Косарева (1939, февраль) чистка руководящих кадров молодежной организации приняла характер какой-то кровавой вакханалии. И вот в 1938-м, еще не будучи членом партии, он назначается («избирается») первым секретарем комсомола крупной промышленной Ярославской области. Уже находясь на этом посту, он в следующем году вступает в ВКП(б). (Опять-таки никаких архивных подробностей о его данной службе добыть не удалось, да вряд ли интересно было бы: делал, как все тогда, и говорил, что все).

Удачливых карьеристов в ту пору накопилось много, но когда все «освободившиеся» места были заняты, а к исходу тридцатых чистка, наконец, прекратилась, дальнейшее продвижение зависело уже от личного везения; чаще всего от того, с кем из больших деятелей сведет судьба. Тут Андропову повезло, хотя по сей день все тоже окружено тайной. Попробуем разгадать.

После Финской войны 1939–1940 годов Сталин решил, из далеко идущих политических планов, создать мифическую Карело-Финскую ССР, полноправную, так сказать, союзную республику. Ну, карелы в том пространстве жили в некотором числе, а насчет финнов бытовал тогда популярный анекдот: «А сколько финнов проживает в Карело-Финской республике? Да двое, отвечали, Финкельштейн и фининспектор, но и те, кажется, оба в одном лице...»

Законы советской бюрократической системы были непреклонны: раз «союзная», значит, полагались свои ЦК, Совнарком (Совмин) и все такое прочее. Разумеется, и комсомол. Нужно было «подобрать кадры». На должность партийного начальника выдвинули известного деятеля Коминтерна Отто Куусинена (одного из немногих подлинных там финнов), а вожаком комсомола перевели из Ярославля Юрия Андропова. В номенклатурном смысле это было суще-

ственное повышение – из «области» в «союзную республику» (то, что хозяйственный потенциал Ярославщины был куда выше, никакого значения не имело).

Не успел Андропов толком и оглядеться на новом месте, как началась война. Столицу новоявленной республики финны с помощью немцев взяли уже в октябре 41-го. Куусинен с многочисленным своим аппаратом осел в глубоком тылу. Делать им было нечего, но штат работников строго сохранялся. Считается, что Андропов в военные годы участвовал в руководстве партизанским движением в Карелии, но никаких подробностей на этот счет имеющиеся источники не содержат. (Любопытно: когда во время недолгого пребывания Андропова Генсеком некоторые литературные холуи, подзаработавшие на выпекании «Малой земли», бросились, было, сочинять о «карельских партизанах», сам герой отнесся к этим затеям сугубо отрицательно).

И тут, уже в зрелые годы, проявил Андропов присущую ему осторожность! В лесистой и болотистой Карелии партизанское движение было довольно сильным, но занимались этим совсем не партийные органы и уж тем паче не комсомольские (напомним, Андропов по должности тогда – секретарь карельского комсомола, он даже военной формы не носил). А диверсии в тылу финнов готовили и проводили военные, но главным образом – органы НКВД. Какова тут была личная роль карельского комсорга, до сих пор ничего не известно, скорее всего, никакой. Ясно, что Юрию Владимировичу совершенно не хотелось копаний в этой своей не самой яркой странице биографии. Брежнев на Малой земле хоть под огнем бывал и даже тонул в море на подбитом катере, это документально установлено. А Андропов? Ранений не имел, боевых наград тоже, только под конец войны получил Красное Знамя. Но не за подвиги в окопах и атаках...

И еще последний раз вспомним мистическое пророчество Гоголя: «Ни друга, ни товарища...» Необычайно замкнут всю жизнь был Андропов, а оттого и неизбежно одинок. Например, сколько приятелей было у широкого душой Брежнева! И по учебе, и по работе в разных сферах, и по службе в армии! (Маршал К.С. Москаленко, с которым мне довелось вести неоднократные и довольно откровенные беседы, рассказывал, что в самом конце войны, командуя 4-м Украинским фронтом, он недолгое время был начальником Брежнева; впоследствии положение их стало вроде бы совсем разным, но Генсек не забыл своего старого Маршала и постоянно оказывал ему знаки внимания).

Не то Андропов. Нет никаких данных, чтобы у него были с кем-то отношения помимо деловых. Судя по осторожным намекам детей, так же замкнуто жила и его семья. После кончины Андропова стало известно, что он всю жизнь писал стихи, но никому не показывал их. Характерная черта: если пожилой уже человек сочиняет стихи сугубо «для себя», то это верный признак душевного одиночества.

...В июне 44-го наши войска освободили Петрозаводск. Вслед за Куусиненом в полуразрушенный город возвратился и Андропов, уже вместе с семьей, женой и сыном Игорем, родившимся в минувшем году; дочь Ирина появилась через три года.

Солдат спит, а служба идет. За три года пребывания вдали от фронта Андропов в чиновном отношении «вырос»: по возвращении в столицу разоренной республики он уже делается секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году – вторым секретарем всей республики. Это был уже высокий в номенклатурном смысле пост. О каких-либо особых успехах Андропова в ту пору неизвестно, да и вряд ли они были, служил как все. Однако в 1951 году он получил вожаемое назначение всех провинциальных честолюбцев – в Москву, в аппарат ЦК, сперва инспектором, а вскоре становится уже заведующим подотделом по международным вопросам.

И тут опять тайна, о которой Андропов при жизни не проронил вслух ни слова. Речь идет о пресловутом «ленинградском деле», одной из самых мрачных и темных историй позднесталинского времени. После смерти патриотического деятеля партии А. Жданова его соперники

Л. Берия, Г. Маленков и Н. Хрущев смогли опорочить в глазах сильно одряхлевшего И. Сталина ждановских соратников, занимавших высокие посты в руководстве страны. Дело завершилось казнями ряда крупных деятелей и массовыми чистками. Именно тогда было выметено из окружения Сталина русско-патриотическое крыло.

Отметим лишь, что «ленинградское дело» сопровождалось не только массовыми репрессиями в Ленинграде, волны террора прошли и по всем районам Северо-Запада. В начале января 1950 года в Петрозаводск прибыла комиссия из ЦК ВКП(б), а с ними вместе также группа московских чекистов. Первым секретарем ЦК Карелии был с 1938 года Геннадий Николаевич Куприянов, в Петрозаводск он был направлен из Ленинграда по рекомендации А.А. Жданова. В годы Отечественной войны Куприянов был прямым начальником Андропова по партизанскому штабу, а также членом Военного совета Карельского фронта. В конце войны бригадному комиссару Куприянову было присвоено звание генерал-майора. Андропов относился к Куприянову с большим уважением, у них не было никаких споров и столкновений.

Но... преданность Андропова своему начальнику не выдержала первого же испытания. Он, как и ряд других его коллег, «дал материал» (то есть политические обвинения) по начавшемуся в Петрозаводске «делу Куприянова». 24–25 января 1950 года состоялся пленум ЦК Карело-Финской республики, где Андропов обвинил своего шефа во всех смертных грехах, да еще покался, что своевременно его не разоблачил... Куприянова вскоре арестовали, дали 25 лет, но потом выпустили, хотя в номенклатуру обратно не вернули.

Не станем сгущать тут краски – Андропов поступил, как очень многие в те пору. Важно другое. По прошествии многих лет, когда наступили уже совсем другие времена, он никогда не повинился в совершенном низком поступке, не помог участникам грязного «дела», родным и близким их. Его холодная жестокость и всепоглощающее честолюбие в полной мере проявились тут. И та же скрытность. Теперь-то, полстолетия спустя, задним числом легко обвинять Андропова: не вступился, мол, за своего покровителя Куприянова... Вот тележурналист Л. Млечин рассказал, будто бы А. Шелепин видел даже донос Андропова на Куприянова. Возможно. Однако несчастный Куприянов был обречен, ибо судьба его накануне пленума в Петрозаводске уже была предрешена в Москве. В этих условиях защищать Куприянова мог бы только герой или сумасшедший. Но вот Юрий Владимирович ни тем ни другим никогда не был.

...После кончины И. Сталина в марте 1953 года в высших этажах партийного руководства начались большие перемены. Вскоре они коснулись и рядовых служащих – освобождалось немало вакантных мест. Коснулись перемены и Андропова, весной 1953-го он вдруг переводится на работу в Министерство иностранных дел. Почему так случилось, сам ли он того добился (вряд ли), помог ли опять ему Куусинен, случайно ли перемещение произошло в свете послесталинских перемен (скорее всего), точно мы этого, по-видимому, никогда уже не узнаем.

МИД – и в нашей стране, и в других – есть очень консервативное учреждение, по службе там продвигаются медленно, однако у совершенно неопытного Андропова имелось одно важное преимущество: он пришел туда из «партийных инстанций», как тогда выражались, причем из высшего их звена – ЦК КПСС. Служил Андропов в 4-м европейском отделе, наблюдавшем за восточноевропейскими странами.

Смерть Сталина вызвала в «братских социалистических странах» брожение. Оно усиливалось нерешительной и противоречивой политикой кремлевского руководства, среди которого в ту пору разгорелась ожесточенная борьба за власть. Прежде всего, покачнулся авторитет восточноевропейских вождей, которые были назначенцами Сталина или Берии. Обострение обстановки там вышло из высших кабинетов на улицы и площади. Первый такой случай произошел в Восточной Германии 17 июня 1953 года, когда на демонстрантов в Берлине и некоторых иных городах двинулись советские танки. Стихийные выступления эти удалось подавить быстро. Но это было далеко не конец начавшимся потрясениям.

Главные тревожные события еще предстояли.

...В истории Советского государства постоянны случаи, когда партийных деятелей отправляли за рубеж на должность послов: иногда это была чуть прикрытая отставка или даже ссылка, иногда повышение. В 1954-м, когда Андропова отправили послом в Венгрию, это был явно второй случай.

В ту пору еще не сложилось протокольного канона, чтобы наш посол в «соцстране» был бы обязательно членом ЦК, да и зависимость этих «стран новой демократии», как их тогда именовали, была от Москвы полная, но... быть полномочным представителем в «братской стране» – это и почетно, и ответственно.

Конечно, Андропов слишком мало поработал в МИДе, чтобы приобрести в той высококвалифицированной среде должный авторитет. Однако вожака для всех мидовских чиновников должность «чрезвычайного и полномочного посла» он вдруг получил. Потом, уже после кончины Андропова, его приближенные распускали слухи, что и образован был, и начитан, и даже языки знал. Все это льстивые выдумки, никаких языков он не знал и никакого образования всерьез не получил.

И нет никаких сомнений, что и в этом исключительно важном для него назначении помог ему тот же Куусинен, который уже не первый год вел в ЦК вопросы международного комдвижения.

Венгрия той поры еще далеко не оправилась от военной разрухи, но с сорок девятого года с превеликим напряжением строила социализм. Правителем страны был жестокий Ракоши, еврей по происхождению, ставленник и холоп Берии. Шли массовые аресты и казни по политическим мотивам. Советского посла это мало беспокоило, он и не такого посмотрелся у себя на родине. Главное – Ракоши и его присные были послушными исполнителями воли Кремля.

Но наступал кризис, умер Сталин, а затем на XX съезде Хрущев прогремел своим истеричным антисталинским докладом, чем потряс весь коммунистический мир. В Венгрии события развивались острее, чем в других «соцстранах». В июне 1956 года Ракоши был отстранен от руководства и уехал, как и все ему подобные «товарищи по несчастью», доживать век в Россию.

К власти пришел Имре Надь, давний соперник Ракоши. Многие до сих пор чтят его как «либерала» и «реформатора», но все не так тут просто. Бывший австро-венгерский военнопленный в России, он в гражданскую войну служил в отрядах красных интернационалистов, весьма свирепо расправлявшихся с противниками большевистской власти. Есть твердые данные, что он принимал участие в расстреле царской семьи в Екатеринбурге, потом был связан с НКВД и повинен в гибели некоторых венгерских коммунистов-эмигрантов. Люди с такой биографией, как правило, чрезвычайно неуравновешенны и склонны к авантюризму (из сексотов – в реформаторы!). Надь круто переложил руль и попытался выйти из-под влияния Москвы. Вот в этих-то сложных обстоятельствах Андропов на глазах всего мира показал, что он не чиновник, а политик, причем крупный.

История венгерского мятежа 1956 года и роль в его подавлении лично Андропова хорошо известны как на Западе, так и у нас: в нашей стране переведено несколько обстоятельных работ авторов из Венгрии, в самые последние годы появились на русском языке (полностью или в отрывках) работы авторов западных. Все дружно сходятся во мнении: роль советского посла в Будапеште была исключительно велика в данном исходе событий.

Из всех эпизодов жизни Андропова этот является единственным хорошо и подробно известным в России (уже после его смерти Янош Кадар добавил для русского телезрителя ряд подробностей). Вот почему мы не станем детально излагать данный сюжет, отметим лишь характерные черты андроповского поведения, а также политические последствия событий.

Имре Надь был назначен премьер-министром рано утром 24 октября 1956 года. Он по авантюристическому складу натуры окружил себя такими же честолюбивыми выскочками. Он получил открытую поддержку от Иосипа Броз Тито и главы венгерской католической церкви кардинала Миндсенти, а тайную – от западных спецслужб. Уже накануне в Будапеште начался

антикоммунистический шабаш, основной лозунг мятежников – «Русские, домой!» Пролилась первая кровь.

В эти напряженные дни Андропов неоднократно встречался с Надем, его целью было добиться падения напряженности в стране, уверить венгерское руководство, что Москва не применит силу. Ему удалось добиться доверия подозрительного Надя. Одновременно он слал в Москву, прямо в ЦК, депешу за депешей, где как раз настаивал на обратном – немедленном введении наших войск.

В конце октября дважды побывали в Будапеште Суслов и Микоян. Хотя по партийному стажу и времени пребывания в Политбюро Микоян был старше Суслова (и возрастом тоже), но главный голос тут был не за Анастасом: тот первый начал в СССР антисталинскую кампанию и, естественно, нес ответственность за такой поворот событий. Суслов Андропова хорошо знал как своего сотрудника и доверял ему. Жесткая линия Андропова была поддержана Сусловым, она и восторжествовала на Политбюро к исходу октября.

Вечером 1 ноября советские танковые колонны в нескольких местах перешли венгерскую границу и двинулись на Будапешт. На другой день утром Надь вызвал Андропова, потребовал объяснения. Тот клялся, что это лишь тактические передвижения, все, мол, будет тихо-мирно. Андропову нужно было выиграть время, причем счет шел уже на часы, чтобы за спиной Надя подготовить другое, просоветское, венгерское правительство.

Глава его был выбран Андроповым исключительно удачно: Янош Кадар, коренной венгр, рабочий, подпольщик в годы фашизма, подвергся репрессиям со стороны Ракоши, три года отсидел в тюрьме, только что реабилитирован, молод – 44 года! Лучше для московского ставленника придумать трудно! Главное же, что Андропов в это напряженное время не только нашел нужного человека, но и сумел убедить его в единственно правильном действии – свергнуть Надя, чтобы спасти социализм в Венгрии. Кадар оказался не только верным союзником, но и твердым, решительным руководителем.

Свидетельствуют, что Андропов в эти дни почти не спал, не брился и даже был небрежно одет, чего с ним в бытность на руководящих постах не случалось ни раньше, ни позже. Но главное было сделано – обеспечена внешняя хотя бы «законность» свержения Надя. Остальное было, как говорится, делом техники. «Техника» не заставила себя ждать: утром 4 ноября советские войска заняли Будапешт. Надь укрылся в югославском посольстве, а кардинал Миндсенти – в американском. Главным двигателем этой победы был, безусловно, Юрий Владимирович. Это понимали всюду, в том числе и в Кремле.

Коварство Андропова было отработано в Будапеште и потом очень помогло ему в дальнейшей карьере. Полковник Копачи, начальник будапештской полиции и сторонник Надя, позже рассказывал: «Андропов производил впечатление сторонника реформ. Он часто улыбался, у него всегда находились лстивые слова для реформаторов, и нам трудно было уразуметь, действовал ли он только согласно инструкциям или по личному почину».

Копачи понял (с некоторым опозданием), был ли Андропов сторонником реформ, когда тот прямо в советском посольстве пообещал полковнику ввести его в правительство Кадара, но советская бронемашина доставила его прямо в тюрьму, где он просидел семь лет. До конца жизни запомнил незадачливый Копачи, как, провожая его, Андропов улыбался и приветливо махал рукой...

* * *

«Трагические события в Венгрии, – свидетельствовал позже Георгий Арбатов, – наложили очень глубокий отпечаток на Андропова, оказавшегося в их эпицентре. Понимал он их как вооруженную контрреволюцию – это я знаю от него самого. Вместе с тем он, я уверен, лучше других видел, что распад существующей власти, размах и накал массового недовольства

имели в своей основе не только и не столько то, что официально объявлялось главными причинами (заговор контрреволюционеров и происки из-за рубежа), сколько некоторые реалии самой венгерской действительности. В частности, связанные с тем, что сталинские извращения, появившиеся на свет у нас, были пересажены на венгерскую почву и приняли там крайне уродливую форму. Свою роль сыграли и экономические проблемы, включая неравноправное положение Венгрии в торгово-экономических отношениях с Советским Союзом. Повлияли на Андропова, наверное, его личные впечатления. К нему стекалась информация о безжалостных расправах над коммунистами, партийными работниками и государственными служащими. Вокруг посольства шла стрельба. Обстреляли как-то при выезде и машину Андропова. Нервное потрясение стало причиной серьезной, на всю жизнь, болезни его жены. Все это, вместе взятое, содействовало, как мне кажется, становлению определенного психологического комплекса. Те, кто знал Андропова, называли позже этот комплекс «венгерским», имея в виду крайне настороженное отношение к нарастанию внутренних трудностей в социалистических странах и, это уже мое мнение, готовность чересчур быстро принимать самые радикальные меры, чтобы справиться с кризисом. Хотя надо сказать, что в отличие от многих других наших деятелей причины такого рода кризисов он оценивал отнюдь не примитивно».

Любопытное свидетельство, – исходящее к тому же от близкого к Андропову человека. Тут характерны слова о «сталинских извращениях» – не любил, очень не любил начинающий политик великодержавную политику Сталина, хоть до конца дней скрывал это, напрочь скрывал. Но боялся он также и «радикальных мер» по реформированию социализма – разумная осторожность, которой наследники Андропова пренебрегли. Крутых перемен осторожный этот политик опасался.

И еще одно обстоятельство, имевшее для Андропова долгое и благоприятное следствие. Между ним и Яношем Кадаром возникли близкие отношения, далеко выходявшие за официальные рамки в подобных случаях. А Кадар в шестидесятые и семидесятые годы стал самым авторитетным для Москвы деятелем среди всех руководителей соцстран. И это давало Андропову дополнительные козыри, хотя и не самые главные в его далеко идущих планах.

Для иллюстрации и чтобы завершить этот сюжет, приведем личное письмо Андропова Кадару, отправленное уже в последние годы жизни, оно весьма выразительно и пояснений не требует:

«Уважаемый товарищ Кадар!

От имени моих товарищей по Политбюро и от себя лично рад пригласить Вас с Марией Тимофеевной провести в этом году в Советском Союзе свой отпуск или часть его в удобное для Вас время.

Если Вы сможете воспользоваться нашим приглашением, Вам будет предоставлена возможность отдохнуть в любом районе страны, посетить при желании интересующие Вас республики и города...

С товарищеским приветом Ю. Андропов.

26 мая 1983 г.».

Наконец, последнее, сугубо семейное. Жена Андропова в Будапеште серьезно заболела. Ее вылечили с применением сильнодействующих медикаментозных средств. Это сделало ее нервной и болезненной. На домашней обстановке в семье Андроповых это сказывалось самым печальным образом. Природная замкнутость его от этого могла только возрасти и стать второй натурой. Бывший хирург кремлевской больницы П.Н. Мошенина впоследствии рассказала о несчастной судьбе андроповской супруги: «Она не раз лежала в неврологическом отделении и непрестанно требовала уколов... Видимо, она привыкла к наркотикам с молодых лет. Сегодня

мне кажется, что виноваты врачи. Это они уступали ее настойчивым просьбам, подсознательно трепеща перед одним именем мужа».

...Волнения в Венгрии у многих молодых людей Советского Союза вызвали сочувственное отношение. Сколько таких было в общем и относительном выражении, никто сейчас определить не может, хотя бы приблизительно. По моим личным впечатлениям, их в Москве и Ленинграде было весьма немало. Тогда же чуть не стал автор этой книги клиентом ведомства, которым вскоре стал руководить Юрий Владимирович.

...В мае 1957 года в Ленинграде на квартире моего приятеля Георгия Бена собралась группа молодых людей 22–23 лет, все выпускники гуманитарных факультетов. Были среди них А. Голиков и Б. Пустынцев, вскоре ставшие главными фигурантами политического процесса. Поздно вечером мать хозяина выпроводила шумную компанию из тесной квартиры. Кто-то предложил зайти к нему и продолжить разговор. Я туда почему-то не пошел. А там стали обсуждать «программу» будущей организации и т. п. Утром кто-то из собравшихся забеспокоился, сказал отцу, а тот направил его прямехонько в «органы»...

Случай меня спас, а ведь был я тогда комсомольским работником, мне бы круто пришлось. На процессе ребятам дали огромные сроки, по 6, по 8 и 10 лет, а всего лишь за то, что разбросали они в студенческом общежитии несколько листовок.

Как теперь все это можно оценить? Разумеется, кровавый венгерский бунт следовало подавить быстро и решительно, что и было сделано, наши войска еще умели воевать тогда, а генералы – ими командовать. Но дальше-то должны были воспоследовать политические выводы и решения. А их сделано не было. И Андропов, как теперь известно, ничего от себя не предложил. Ясно, что надо было переходить от марксистского космополитизма к государственно-национальной политике. Но пресловутый «либерал» Хрущев был к тому неспособен. Опасную болезнь загнали вглубь.

Восхождение

В Будапеште Андропову уже нечего было делать: тут все было в порядке, а опыт его мог пригодиться в Центре. Вполне логично, что уже через год он возвращается в аппарат ЦК и получает высокую должность – заведующий отделом, который «вел» все социалистические страны. На XXII съезде его избирают членом ЦК (октябрь 1961-го). Это был знак высокого доверия: не все заотделами являлись в ту пору даже кандидатами в члены ЦК. Важно отметить также, что Андропов оказался в силовом поле Суслова, а не Хрущева, – судьба ли так решила или это был его собственный выбор, но в карьерном смысле Юрию Владимировичу опять крупно повезло.

Отметим для сегодняшнего читателя: заведующий любым отделом Центрального комитета партии – их было в послесталинское время около двадцати или в разное время чуть больше – это не только огромная власть, но и исключительно высокая должность в партийно-советской служебной лестнице. Вот Андропов, от него зависели «подбор и расстановка кадров», как тогда выражались, во всех социалистических странах, от Северной Кореи до Восточной Германии. Конечно, высшие «кадры» утверждали на Политбюро, так, но «готовил вопросы» именно отдел, то есть, по сути, лично Андропов. Не нужно и пояснять, какой реальной властью он обладал. Отметим попутно, что хотя послы в соцстранах были гораздо более на виду и здесь, и, в особенности, там, но Андропов был куда выше их по значению.

В последние годы читатели, особенно кто помоложе, под впечатлением публикаций цековских расстриг, перековавшихся в «демократы», превратно представляют недавнюю действительную картину советских верхов. Нет, тогдашняя бюрократическая машина работала очень четко и только по газете «Правда» казалась однообразной и неразличимой во всех ее многочисленных подразделениях. На самом деле было не так, точнее уж – не совсем так. Излюбленной шуткой в аппарате ЦК была такая: «У нас система однопартийная, но многоподъездная»...

В шутке крылось немало правды, только вот напечатать это в газете «Правда» было бы никак невозможно! Действительно, каждый отдел ЦК имел, так сказать, свой собственный «характер». Например, в хрущевские и брежневские времена самым мрачным был отдел пропаганды – понятно, там приходилось отстаивать обветшалые марксистские догмы, в которые даже его сотрудники, люди в большинстве своем образованные и совсем не глупые, не верили. Напротив, отдел науки был более либеральным, ибо находился «в обратной связи» с учеными-естественниками, которые были куда свободомысленнее своих гуманитарных коллег. Но самыми либеральными были сотрудники международных отделов, ибо им приходилось общаться с западными деятелями, пусть и коммунистического толка, которые хоть и полностью зависели материально от Москвы, но либеральничали – ради своего электората.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.